

Экономический и электоральный циклы в Беларуси: взаимосвязь и вызовы 2025–2026 гг.

Анатолий Харитончик, Виолетта Панасевич, 2024

BEROC Policy Paper Series, PP no. 120

РЕЗЮМЕ:

Высокие показатели роста экономики Беларуси в 2023–2024 гг. в среде взрывного усиления потребительской активности порождают опасения относительно его качества и устойчивости. Во многом рост ВВП обеспечен избыточно мягкой экономической политикой, которая в значительной степени может быть связана с электоральной кампанией 2024–2025 гг. На базе применения макроэкономической гэл-модели в настоящем исследовании изучена взаимосвязь между электоральным и экономическим циклами в Беларуси. Результаты показывают, что в предвыборные годы и годы выборов экономика обычно функционировала в состоянии избыточного спроса. Значимое влияние в его формировании играла динамика бюджетных расходов и заработных плат. Связь выборов и экономического цикла ослабла в 2016–2019 гг., предположительно вследствие временной смены властями приоритета политики в пользу макроэкономической стабильности, а также развития частного сектора. Однако в 2023–2024 гг. старые практики стимулирования потребительского спроса в предвыборные годы вернулись. Это несет риски значительного перегрева экономики и ее «жесткой посадки» в среднесрочной перспективе.

Ключевые слова: электоральный цикл, экономический цикл, доходы населения, заработная плата, бюджетные расходы, частный сектор, ценности, социальный контракт.

1. Введение

Экономика Беларуси в 2023–2024 гг. быстро восстанавливалась после санкционного шока 2022 года (**Рис. 1.Б**). Снижение ВВП на 4,7% в 2022 году было более чем компенсировано ростом на 3,9% в 2023 году и на 5% в первой половине 2024 года. В итоге реальный объем ВВП в II квартале 2024 г. почти на 4% превысил средний уровень довоенного 2021 года.

Частично высокие показатели экономического роста в 2023–2024 гг. могут быть связаны со структурной трансформацией экономик Беларуси и России в санкционной среде. После ужесточения с февраля 2022 года санкционной политики западных стран в отношении России и Беларуси и разрушения сложившихся производственно-логистических цепочек часть совокупного предложения товаров и услуг в Беларуси и России ушла. Сокращение совокупного спроса, в свою очередь, оказалось временным и впоследствии он даже вырос на фоне увеличения российских военных расходов. В результате внутренние производители получили стимулы к наращиванию выпуска для удовлетворения имеющего спроса.

Вместе с тем высокий рост экономики Беларуси в 2023–2024 гг. сопровождался крайне сильной динамикой потребительского спроса. Потребление населения в II квартале 2024 г. превысило средний уровень 2021 года более чем на 17%.

Высокие показатели роста ВВП в среде взрывного усиления потребительской активности порождают опасения относительно качества и устойчивости этого роста. Перегрев экономики в сочетании с тотальным ценовым контролем грозит неблагоприятными последствиями в среднесрочном периоде, связанными с заметным ослаблением внутреннего спроса и вероятной потерей благосостояния населения при возникновении существенных шоков в мировой и/или российской экономиках.

В значительной степени сильный рост ВВП в 2023–2024 гг. мог быть обеспечен избыточно мягкой внутренней экономической политикой. Упорное поддержание белорусскими властями стимулирующей политики в среде вероятного перегрева потребительского спроса дает основание полагать, что мягкость политики, как минимум частично, обусловлена электоральной кампанией 2024–2025 гг.

Изучение взаимосвязи между электоральным и экономическим циклами в Беларуси, ее трансформации и возможных последствий мер экономической политики в 2023–2024 гг. для бизнеса и населения в среднесрочном периоде стало целью настоящего исследования.

Для оценки экономического цикла и его движущих факторов применялась макроэкономическая гѐп-модель для Беларуси (QPM; Kharitonchik, 2023b). На базе гѐп-модели анализировалась динамика отклонения реальных бюджетных расходов и реальных заработных плат от их равновесных уровней и ее корреляция с президентскими электоральными кампаниями. Используя методы статистического анализа, исследовалась структура бюджетных расходов и ее изменения в периоды выборов.

Полученные результаты демонстрируют взаимосвязь электорального и экономического циклов в Беларуси. В предвыборный и выборный год экономика, как правило, функционировала в состоянии перегрева. Значительный вклад в формирование этого перегрева вносила динамика бюджетных расходов и заработных плат. Каждая электоральная кампания сопровождалась превышением реальной заработной платой своего равновесного уровня. После выборов наблюдалось значительное снижение реальной заработной платы или этот разрыв существенно сужался.

В предвыборный год и год выборов реальные расходы бюджета сильно превосходили сбалансированный уровень, а в структуре расходов повышалась доля социальных выплат и затрат на оплату труда. После выборов обычно наблюдалась коррекция этих расходов.

Связь выборов и экономического цикла ослабла в 2016–2019 гг. К этому привели временная смена властями фокуса экономической политики со стимулирования внутреннего спроса на обеспечение макроэкономической стабильности, а также трансформация ценностей белорусов, в том числе под влиянием развития частного сектора в белорусской экономике. Однако в 2023–2024 гг. старые практики стимулирования потребительского спроса в предвыборные годы вернулись на фоне реакционной политики властей после социально–политического кризиса 2020 года.

Аналитический материал имеет следующую структуру. В разделе 2 анализируется взаимосвязь электорального и экономического циклов в Беларусь и рассматривается применение отдельных инструментов экономической политики для стимулирования спроса. В разделе 3 разбираются причины и следствия ослабления корреляции электорального и экономического циклов в 2016–2019 гг. Возврат к старым практикам реализации экономической политики с 2022 года обсуждается в разделе 4. Итоги подводятся в разделе 5, где также представлены рекомендации для населения и бизнеса в части минимизации потенциальных негативных последствий избыточного стимулирования внутреннего спроса в 2023–2024 гг.

2. Взаимосвязь экономического и электорального циклов в Беларуси

2.1 Влияние расходов бюджета и заработных плат на динамику ВВП

Беглый взгляд на экономический цикл в Беларуси дает основание полагать, что его развитие взаимосвязано с циклом электоральным (**Рис. 1.А**). В предвыборные годы (2014, 2019, 2024), а также непосредственно в годы президентских выборов, которые не приходились на периоды серьезного ухудшения внешних условий (2006, 2010), белорусская экономика функционировала в состоянии положительного разрыва выпуска – совокупный спрос превышал свой сбалансированный объем.¹

В динамике экономического и электорального циклов замечен период, когда стимулирование экономики со стороны властей было небольшим. Это период с 2016 по 2020 гг. (**Рис. 1.А**). При этом в 2023–2024 гг. наблюдался возврат к предыдущей практике «накачки» совокупного спроса в предвыборные годы (**Рис. 1.Б**). О возможных причинах подобных колебаний в действиях белорусских властей мы рассуждаем в разделах 3 и 4.

Рисунок 1: Динамика ВВП и экономического цикла в Беларуси

А) Декомпозиция разрыва выпуска (на основе сезонно сглаженных логарифмированных данных)

Б) Темп прироста ВВП (на основе сезонно сглаженных логарифмированных данных)

Источник: разработка авторов на базе квартальной модели прогнозирования (QPM; Kharitonchik, 2023b).

Примечание: * значения в 2024 году являются прогнозом на базе информации, доступной к сентябрю 2024 года. Разрыв выпуска представляет собой отклонение фактического реального ВВП от своего равновесного объема и является индикатором экономического цикла. Под равновесным (или потенциальным) ВВП понимается такой объем ВВП, который не ведет ни к дополнительному инфляционному, ни дезинфляционному давлению. Вклады факторов рассчитаны с учетом инерционности.

¹ К оценкам разрыва выпуска в 2005–2006 гг. следует подходить с осторожностью, так как оценивание модели стартует с 2003 года, а параметризация и спецификация основывались на периоде после 2013 года. В связи с этим процедура Калмановского сглаживания может приводить к смещенным оценкам в начале выборки.

Оценки на базе QPM BEROC показывают, что значимое влияние на формирование избыточного спроса в Беларуси оказывала динамика бюджетных расходов и заработных плат (**Рис. 1.А**). Эти инструменты наряду с механизмами нерыночного кредитования, гарантий и прочих «мягкий» условий функционирования для государственных предприятий выступают ключевыми элементами стимулирования спроса со стороны белорусских властей.

2.2 Доходы населения и электоральный цикл

Оплата труда работников и трансферты населению формируют доминирующую часть доходов домашних хозяйств в Беларуси. Их значимость в XXI веке менялась не сильно (**Рис. 2.Б**). В период высокого роста экономики 2002–2011 гг. на оплату труда приходилось 64,5% доходов населения, а на трансферты – 21,2%. В период слабого роста 2012–2021 гг. – 63,6% и 22,5% соответственно. А в 2022 и 2023 гг. – 64,8% и 22,3% соответственно.

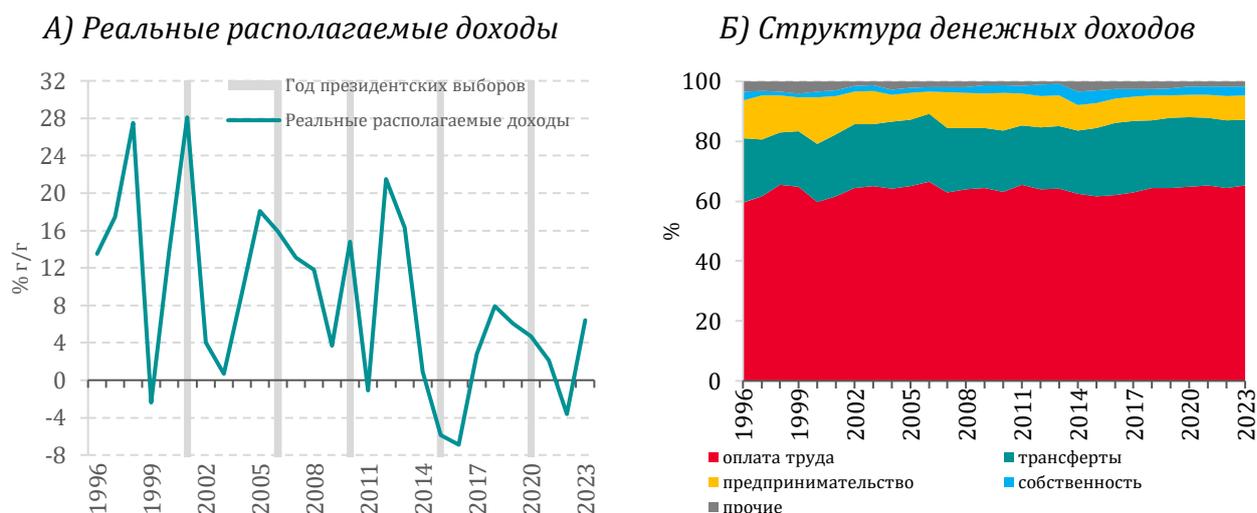
Трансферты населению в значительной степени представлены пенсиями. В Беларуси более 2,4 млн получателей пенсий, из которых более 0,4 млн трудоустроены. Помимо пенсионеров, более 0,8 млн работников заняты в бюджетной сфере. Следовательно, минимум 40% всех избирателей в Беларуси напрямую зависимы от бюджетной политики. Пенсионеры и работники бюджетной сферы в основной массе относятся к людям с невысоким уровнем дохода. Средняя зарплата бюджетников немногим более чем на 20% ниже средней зарплаты в целом по стране, а средний размер пенсии по возрасту неработающего пенсионера – более чем на 60% ниже. При невысоком уровне дохода финансовые бонусы могут ощущаться сильнее, чем при среднем или высоком уровнях. Это формирует условия для воздействия властями на поведение людей посредством регулирования социальных выплат и заработных плат в бюджетном секторе.

Динамика денежных доходов демонстрирует тесную корреляцию с электоральным циклом (**Рис. 2.А**). Рост реальных располагаемых доходов населения заметно ускорился перед президентскими выборами 2001, 2006, 2010, 2020 (с учетом негативного воздействия пандемии COVID-19) и 2025 гг. При этом после выборов 2001 и 2006 гг. рост доходов существенно замедлялся, а в период 2012–2013 гг. высокие темпы искусственно стимулировались с помощью бюджетных и

квазибюджетных инструментов для «маскировки» структурного снижения темпов экономического роста (Рис. 1.Б).²

В структуре доходов значимых изменений, сопряженных с электоральным циклом, не наблюдается (Рис. 2.Б). Это указывает на то, что стимулирование доходов в предвыборные и выборные годы осуществлялось как в части повышения заработных плат, так и социальных трансфертов населению, преимущественно пенсий.

Рисунок 2: Динамика доходов населения в Беларуси

Источник: разработка авторов на основе данных Белстата.

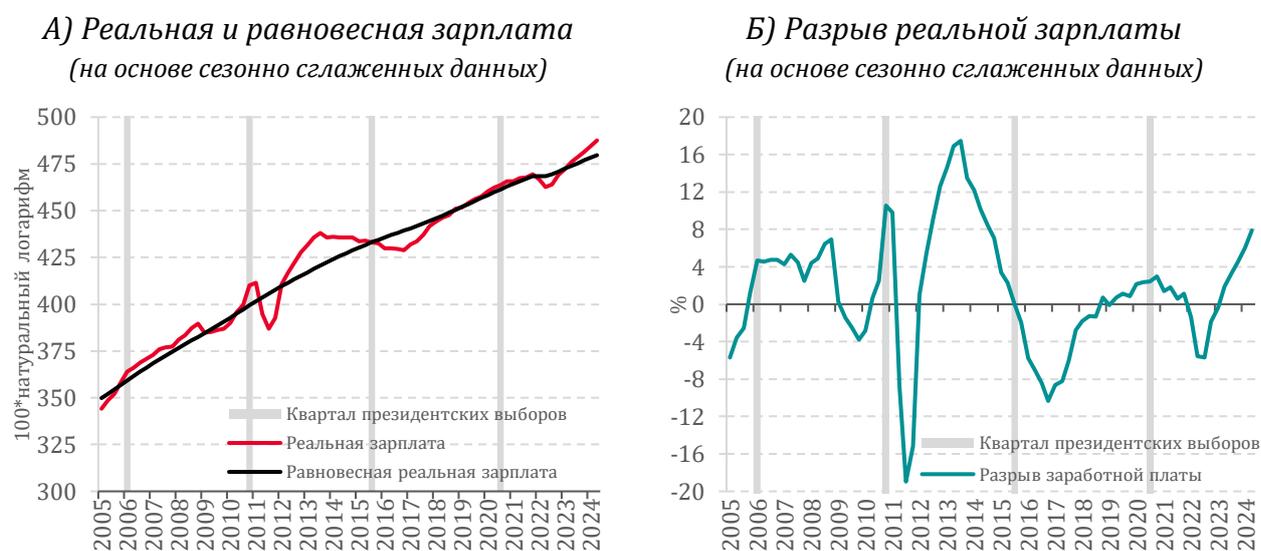
Более наглядно влияние электорального цикла на динамику денежных доходов населения прослеживается в траектории отклонения реальной заработной платы от своего равновесного (сбалансированного) уровня. Каждый электоральный цикл был сопряжен с формированием положительного разрыва заработной платы – ее размер превышал равновесный (Рис. 3.Б). При этом после выборов, как правило, следовало либо сокращение этого разрыва, либо заметное снижение реальной зарплаты (Рис. 3.А). Это указывает на то, что избыточное стимулирование спроса в предвыборные и выборные годы заметно снижало устойчивость экономики для воздействия шоков и формировало «благоприятную» среду для корректировок.

Перед выборами 2020 года (в частности, в 2019 году – до начала пандемии COVID-19) превышение заработной платой своего сбалансированного уровня было небольшим относительно предыдущих электоральных кампаний. Однако уже в 2023–2024 гг. наблюдался стремительный рост средней заработной платы и

² С анализом причин замедления экономического роста в Беларуси после 2009 года можно ознакомиться в работах Д. Крука (Kruk, 2018; 2020b), В. Комкова (2020), Н. Мирончик и А. Левихиной (2020), World Bank (2018).

формирование ее значительного отклонения от сбалансированного уровня. О возможных причинах подобных колебаний мы рассуждаем в разделах 3 и 4.

Рисунок 3: Динамика реальной заработной платы в Беларуси

Источник: разработка авторов на базе QPM (Kharitonchik, 2023b).

Примечание: разрыв реальной зарплаты – отклонение реальной зарплаты от ее равновесного уровня.

2.3 Бюджетные расходы и электоральный цикл

Расходы на оплату труда и социальные выплаты занимают наибольшую долю в расходах бюджета расширенного правительства Беларуси (далее консолидированный бюджет; бюджет). В 2003–2023 гг. на них приходилось в среднем более 53% бюджетных расходов, в том числе более 30% составляли социальные выплаты и почти 23% затраты на оплату труда. При этом более 90% социальных выплат приходится на пенсии.

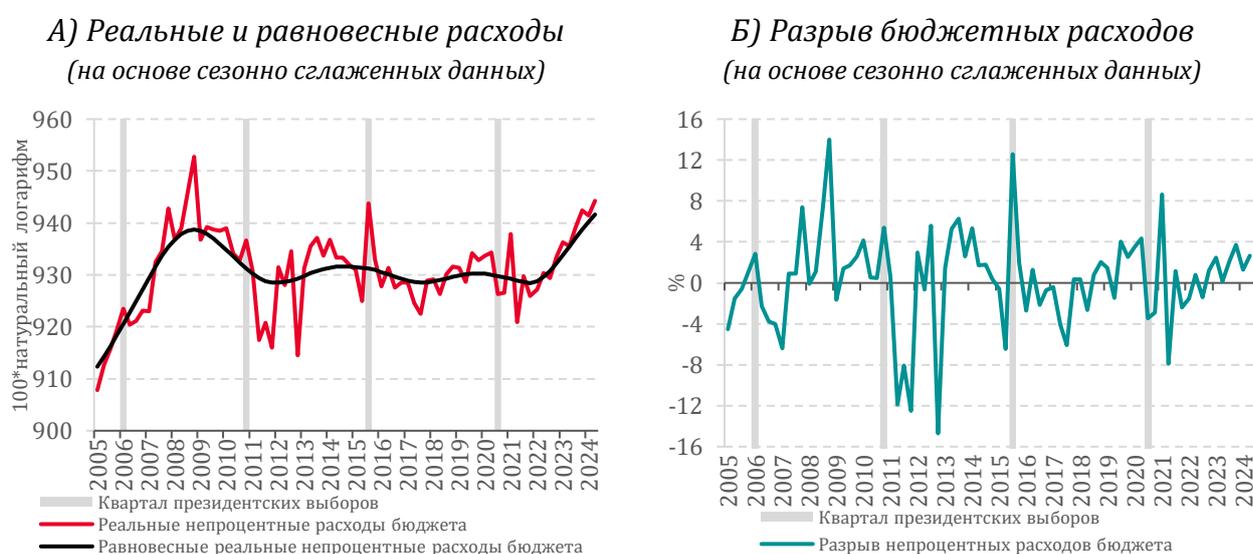
Электоральные кампании в Беларуси в XXI веке сопровождались существенным наращиванием непроцентных расходов консолидированного бюджета (здесь и далее приведены значения бюджетных расходов с учетом Фонда социальной защиты населения; ФСЗН).³ В предвыборный и выборный годы реальные непроцентные бюджетные расходы заметно превосходили свой сбалансированный объем, а после выборов обычно следовало их коррекционное снижение (**Рис. 4.Б**). Следует отметить, что в предвыборный 2009 год на расходы негативное воздействие оказал мировой финансовый кризис, а снижение реальных расходов в 2011 году стало следствием гиперинфляции, банковского и валютного кризисов в Беларуси.

³ В отличие от исследования К. В. Рудого (2021) результаты анализа в настоящей работе демонстрируют присутствие политического цикла деловой активности в Беларуси.

В электоральную кампанию 2011–2015 гг. накачка спроса через бюджетный канал главным образом осуществлялась в 2013 году – первой половине 2014 года, после чего экономика вошла в фазу рецессии и власти под давлением ЕФСР провели макроэкономическую корректировку. Всплеск бюджетных расходов в III квартале 2015 г. связан с реализацией схем поддержки отдельных машиностроительных предприятий Беларуси в части их долговой позиции, а не со стимулированием доходов населения.

В кампанию 2016–2020 гг. бюджетные расходы оставались вблизи сбалансированного уровня вплоть до второй половины 2018 года, после чего началось их расширение, продолжавшееся до социально-политического кризиса в III квартале 2020 г (**Рис. 4А**).

Рисунок 4: Динамика реальных расходов консолидированного бюджета

Источник: разработка авторов на базе QPM (Kharitonchik, 2023b).

Примечание: разрыв бюджетных расходов представляет собой отклонение реальных расходов консолидированного бюджета сектора госуправления Республики Беларусь от их равновесного уровня.

В кампанию 2021–2025 гг. характер бюджетной политики оставался сдерживающим для экономической активности до IV квартала 2022 г., однако с конца 2022 года расходы бюджета начали бурно расти темпами, превышающими сбалансированные. Частично этот рост связан с повышением значимости внутренних источников финансирования в условиях ужесточения санкционного режима в отношении Беларуси и замещением расходов, которые до 2022 года во многом финансировались с привлечением ресурсов международных банков развития и других финансовых организаций. Однако с 2023 года наблюдалось повышение доли расходов на оплату труда в составе консолидированного бюджета, что сигнализирует о вероятном стимулировании роста зарплат бюджетников административными методами в предвыборные годы. Также на увеличение расходов на

заработные платы повлиял дефицит работников и возросшая в таких условиях конкуренция бюджетного сектора с частным и небюджетным государственным.

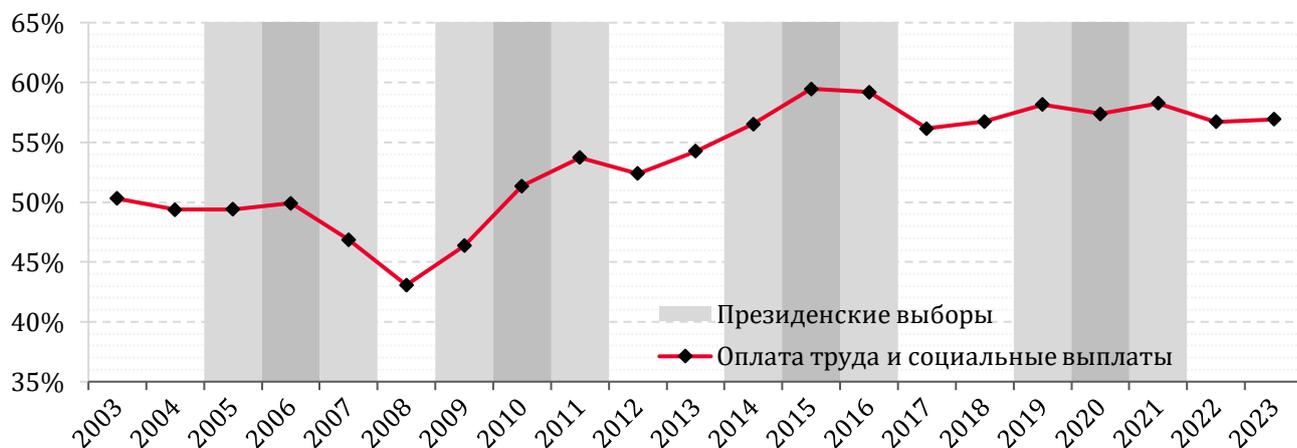
В структуре бюджетных расходов наблюдался определенный паттерн изменения в периоды президентских электоральных кампаний (**Рис. 5**). Как правило, в предвыборный год и год выборов в составе расходов бюджета росла доля социальных выплат и затрат на оплату труда. После выборов их удельный вес обычно снижался или переставал увеличиваться. Заметным исключением являлся поствыборный 2011 год, когда доля социальных выплат и расходов на оплату труда продолжила расти. Это, вероятно, связано с тем, что сокращение социальных расходов в кризисный год было политически неприемлемым и секвестру подверглись другие затраты (**Рис. 4.А**). Уже в 2012 году наблюдалось сокращение удельного веса социальных расходов.

Электоральная кампания, завершившаяся выборами в августе 2020 года, выделяется не столь ярким проявлением привычных паттернов стимулирования спроса. Президентская волонтаристская установка обеспечения уровня средней номинальной зарплаты в размере Br1000 способствовала небольшому увеличению доли социальных выплат и затрат на оплату труда в расходах бюджета в предвыборные 2018–2019 гг. Однако этот рост был гораздо меньшим по масштабу в сравнении с 2009–2010 гг. и 2014–2015 гг. (**Рис. 5**). В выборный 2020 год доля социальных выплат даже снизилась более чем на 1 п.п., что связано с особенностями реакции белорусских властей на пандемию COVID-19, когда поддержку в большей степени получали госпредприятия, а не население. О возможных причинах изменения паттерна поведения белорусских властей в 2016–2019 гг. мы рассуждаем в разделах 3 и 4.

На президентский цикл 2021–2025 гг. пришлось сильное изменение условий функционирования экономики Беларуси, вызванное последствиями социально-политического кризиса 2020 года и серьезным ужесточением санкций западных стран. Тем не менее, в 2023 году начали появляться признаки возврата к старым образцам поведения белорусских властей, о чем мы писали выше. В части изменения структуры расходов бюджета значимых изменений не произошло, но доля социальных выплат и расходов на оплату труда в 2023 году немного выросла (**Рис. 5**). При этом темп прироста расходов на оплату труда и социальных выплат был значительным и оценивается около 17,6% в 2022 году и 15% в 2023 году. Лишь незначительное увеличение доли этих расходов во всех расходах бюджета при таком высоком их росте связан с вынужденным наращиванием

других бюджетных трат после потери финансирования со стороны западных институтов развития.

Рисунок 5: Доля расходов на оплату труда и социальных выплат в расходах бюджета расширенного правительства Республики Беларусь

Источник: разработка авторов на основе данных МВФ, ЕФСР.

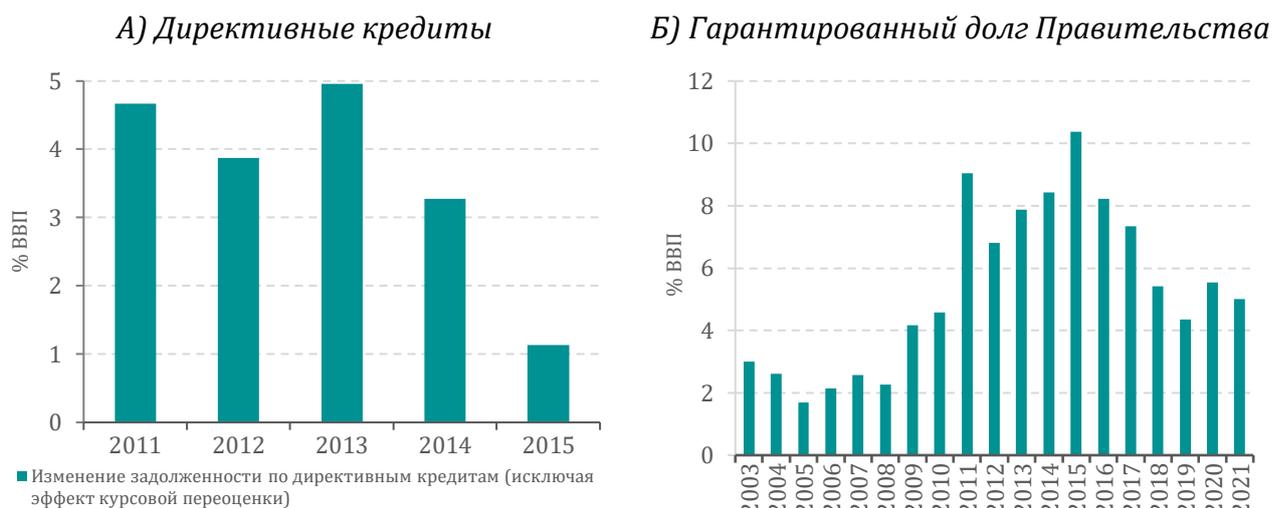
2.4 Директивное кредитование и электоральный цикл

В период 2010–2014 гг. дополнительным каналом поддержки спроса выступало директивное кредитование и наращивание гарантий правительства, которое вело к росту государственного долга в широком определении (**Рис. 6**). Именно попытка властей в этот период «замаскировать» структурное снижение темпов экономического роста выразилось в поддержании существенного перегрева экономики вплоть до 2015 года и стало одной из основных причин валютного и банковского кризисов в 2011 году и валютного кризиса в конце 2014 года – начале 2015 года.⁴ В следующую электоральную кампанию 2016–2020 гг. применение подобных квазибюджетных инструментов стало гораздо менее интенсивным, но вновь вышло на первый план в 2022–2024 гг.: ежегодные объемы кредитования предприятий с господдержкой в 2020–2023 гг. составляли от 3 до 4,5% ВВП, что соответствует темпам изменения задолженности по директивным кредитам в 2011–2014 гг.⁵

⁴ Исследование причин валютных кризисов в Беларуси приведено в работе Miksjuk et al. (2015).

⁵ См.: Обеспечение финансовой стабильности в 2023 году и задачи на 2024 год. Доклад заместителя Председателя Правления Национального банка Республики Беларусь Д. Л. Калечица на расширенном заседании Правления.

Рисунок 6: Директивное кредитование и гарантии Правительства в Беларуси

Источник: разработка авторов на основе данных Нацбанка Беларуси, Musil et al. (2018).

3. «Ненормальность» 2016 – первой половины 2020 гг.: укрепление макроэкономической политики, развитие частного сектора и трансформация экономических ценностей белорусов

Период 2016 – первой половины 2020 гг. выделяется на фоне других электоральных кампаний отсутствием значительной «накачки» доходов населения и «раздувания» бюджетных расходов. Такая политика в этот период может объясняться двумя группами причин: изменением подходов к макроэкономической политике и трансформацией ценностей белорусов, сопряженной с развитием частного сектора экономики.

С 2015 года качество экономической политики в Беларуси заметно возросло (как оказалось впоследствии – временно). Произошла переориентация курсовой политики с режима фиксированного курса белорусского рубля к плавающему, а монетарная и налогово-бюджетная политики стали во много опираться на разумные правила, нацеленные на поддержание низкой и предсказуемой инфляции и фискальной дисциплины (Крук, 2020а). С середины 2016 года до середины 2020 года Нацбанк де-факто проводил монетарную политику в режиме неявного таргетирования инфляции, а ее характер оценивается как умеренно сдерживающий, близкий к нейтральному, для экономической активности (Kharitonchik, 2023а). Курсы белорусского рубля колебались вблизи своих равновесных уровней и продолжительных периодов существенной переоцененности белорусского рубля, которые имели место до 2015 года, не наблюдалось.

Объемы директивного кредитования в 2016–2020 гг. были ограничены, бюджетная политика формировалась на базе консервативного сценария прогноза социально-экономического развития, и ее характер до IV квартала 2018 г. оставался сдерживающим для экономической активности.

Таким образом, фокус экономической политики в 2015 – первой половине 2020 гг. сместился с «маскировки» слабого потенциала роста белорусской экономики через искусственное наращивание спроса на обеспечение макроэкономической стабильности, которую, с рядом оговорок, удалось достичь к 2017 году и поддерживать до начала пандемии и социально-политического кризиса 2020 года (Крук, 2023). Такое изменение экономической политики было продиктовано как внутренними причинами, так и внешним воздействием.

Валютный кризис конца 2014 года – начала 2015 года и последовавшая за ним глубокая рецессия стали триггерами осознания белорусскими властями невозможности продолжения предыдущего экономического курса в условиях структурного снижения темпов роста ВВП.

Внешней причиной стала реализация Программы реформ в рамках стабилизационного кредита ЕФСР.⁶ Кредит выделялся траншами, и получение очередного платежа требовало решения Совета ЕФСР об удовлетворительном выполнении условий его предоставления. Такой подход до 2019 года дисциплинировал белорусские власти к проведению взвешенной макроэкономической политики. Однако по мере стабилизации ситуации в экономике и приближения выборов 2020 года власти начали отклоняться от условий программы, и последний седьмой транш кредита не был предоставлен.

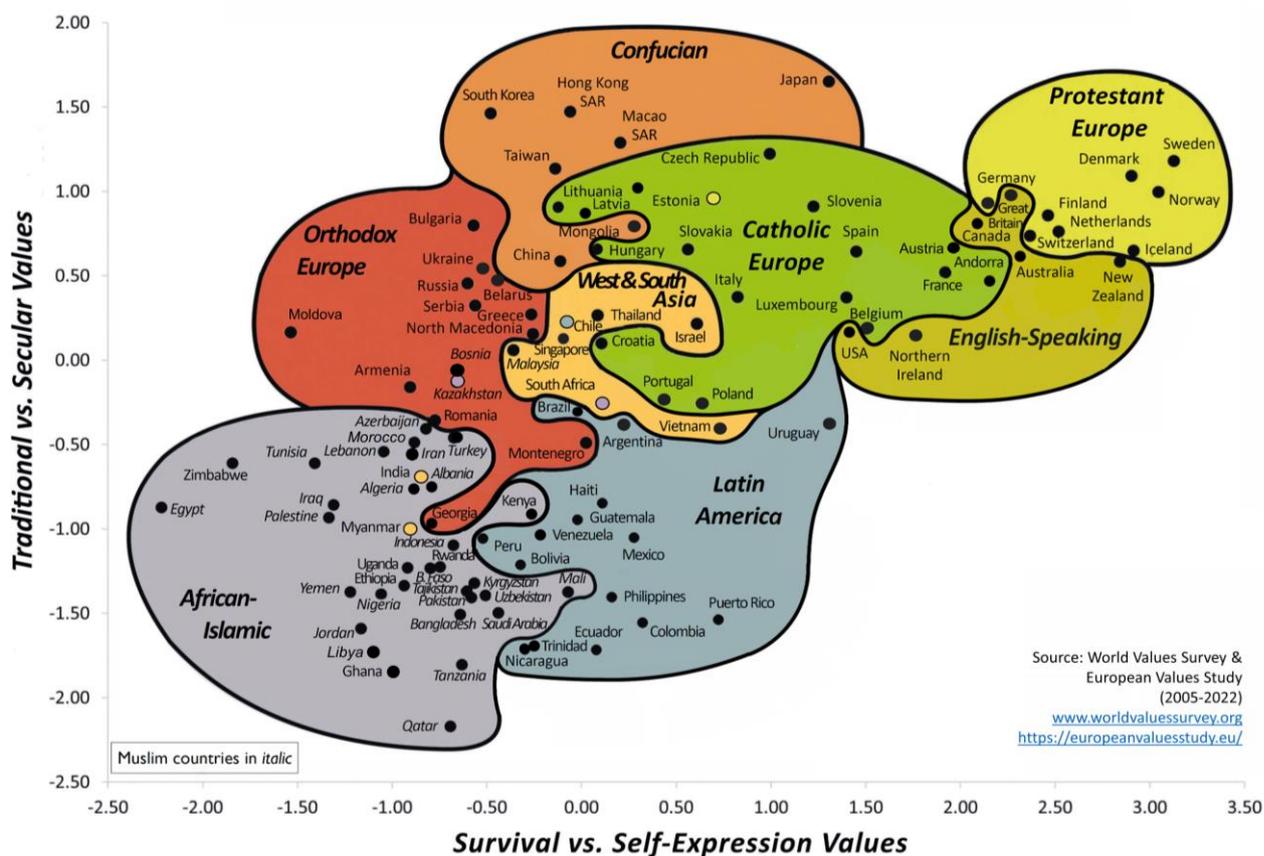
Упор на макростабильность, а не «камуфлирование» низкого роста выпуска, позволил белорусским властям не только обеспечить предсказуемость и снижение волатильности важнейших для населения экономических показателей (инфляции, валютного курса, процентных ставок), но и уменьшил потребность в дополнительных стимулах для потребительского спроса.

Макроэкономическая стабильность, достигнутая через понятные для населения индикаторы низкой инфляции и стабильного курса белорусского рубля, вписывается в ценностные установки белорусского общества. Так, в период 2015–2019 гг. ценности выживания по-прежнему преобладали в белорусском

⁶ См.: <https://efsd.org/projects/stabilizatsionnyy-kredit-respublike-belarus/>.

обществе над ценностями самовыражения (Рис. 7). В таких условиях макростабильность могла выступить важным фактором обеспечения лояльности большого количества граждан к политическому руководству, а надобность в дополнительных стимулах снижалась.

Рисунок 7: Карта ценностных систем

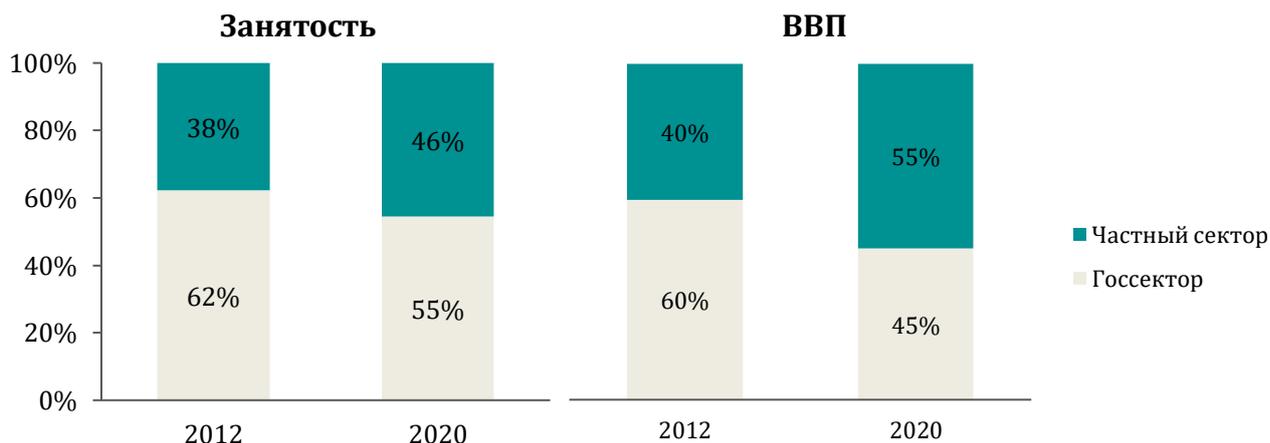
Источник: The Inglehart-Welzel World Cultural Map – World Values Survey 7 (2023).
 Source: <http://www.worldvaluessurvey.org/>.

Обеспечение макростабильности представляется важным, но не единственным элементом отхода от практики чрезмерно избыточного стимулирования спроса перед президентскими выборами 2020 года. Несмотря на сохранявшееся доминирование ценностей выживания в белорусском обществе, к концу второго десятилетия XXI века четко обозначилось изменение экономических ценностей белорусов на фоне развития частного сектора экономики.

Благодаря либерализации условий для бизнеса, завершившейся в 2020 году, новый частный сектор (в том числе иностранные компании) стал наиболее динамичной частью экономики Беларуси, даже несмотря на отсутствие значимой финансовой и нефинансовой поддержки и равных условий ведения бизнеса в сравнении с госкомпаниями. За 2012–2020 гг. доля

частного сектора в занятости увеличилась на 7,7 п.п. за счет абсорбции работников, «высвобождаемых» в госсекторе. Вклад частного сектора в ВВП к 2020 году превысил вклад сектора госпредприятий (**Рис. 8**). Таким образом, в условиях отсутствия значимой приватизации и реструктуризации госпредприятий частный сектор перенял их «социальную» функцию, абсорбируя высвобождаемых работников в госсекторе, в том числе бюджетном (BEROC, 2023).

Рисунок 8: Вклад частного сектора в экономические показатели Беларуси

Источник: BEROC (2023).

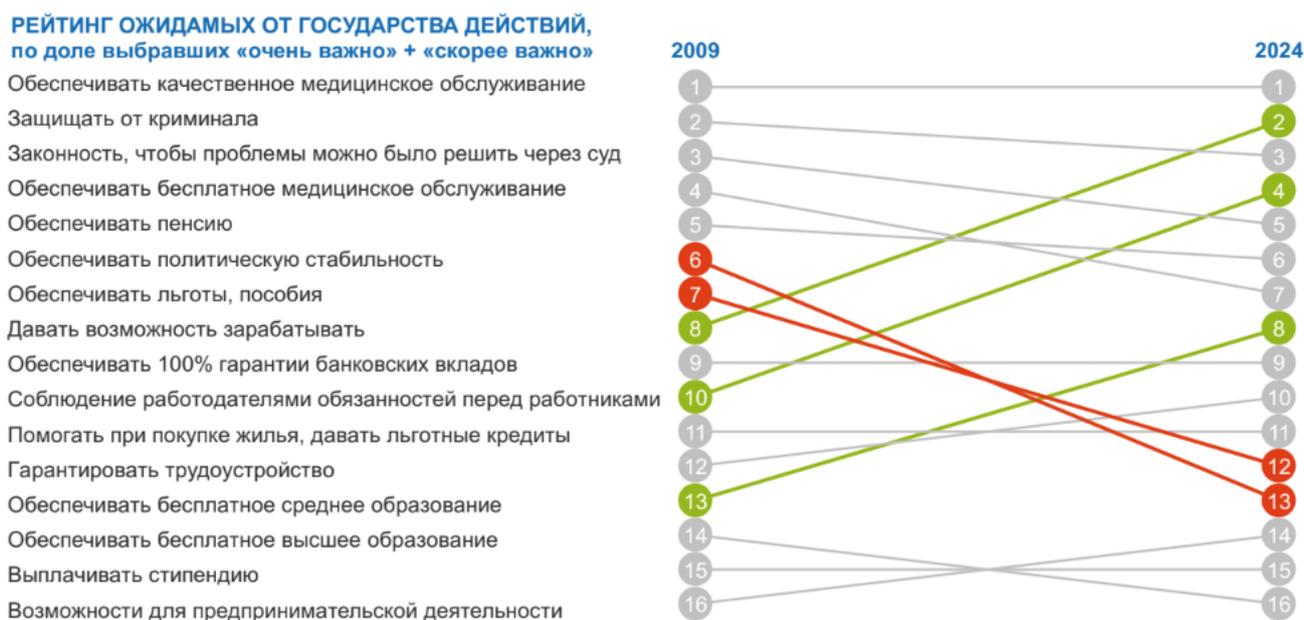
Развитие частного сектора и предпринимательской инициативы позволяло белорусским властям откладывать назревшие структурные реформы сектора госпредприятий, ограничиваясь постепенным сокращением избыточной занятости, которую абсорбировал растущий частный сектор. Это поддерживало социальную стабильность, поскольку существенные увольнения в госсекторе не приводили к росту безработицы, а зарплата в частном секторе в среднем была выше, чем в государственном (BEROC, 2023). В результате переток рабочей силы естественным образом снизил потребность в массовых стимулах в электоральную кампанию 2016–2020 гг.

Развитие частного сектора также сопровождалось трансформацией экономических ценностей белорусов в сторону про-рыночных (Данейко и др., 2023). Это выражалось в росте поддержки увеличения доли частной собственности в экономике (+16 п.п. с 1996 года до 40% в 2018 году); росте позитивного отношения к конкуренции (+7 п.п. с 1996 года до 64% в 2018 году); росте поддержки индивидуальной ответственности за свое обеспечение над государственной (+30 п.п. с 1996 года до 46% в 2018 году).

В результате к концу второго десятилетия XXI века социальный контракт между обществом и властями начал терять актуальность (BISS, 2009;

Chatham House, 2024). Льготы, пособия и другие материальные и нематериальные блага от государства в обмен на лояльность вынуждали власти идти на накачку доходов населения в предвыборные периоды. Однако к выборам 2020 года существенно вырос запрос на увеличение частной собственности, конкуренции и, что может быть еще более важным, существенно возросла доля населения, которая рассматривала личную ответственность за свое финансовое положение в приоритете над государственной и была готова идти на риск ради этого (Данейко, 2023; Chatham House, 2024). Если в 2009 году льготы и пособия находились на 7 месте в рейтинге ожидаемых от государства действий из 16, то к 2024 году они переместились на 12 место. В то же время «возможность зарабатывать» поднялась с 8 на 2 позицию в рейтинге (Рис. 9).

Рисунок 9: Динамика ожиданий общества от государства

Источник: Chatham House (2024).

4. Возвращение старых инструментов стимулирования спроса в 2023–2024 гг.

В 2023–2024 гг. заработные платы вновь начали стремительно расти темпами, заметно опережающими сбалансированные (Рис. 3). Во многом это стало следствием дефицита работников, возникшего в результате структурной трансформации экономики, которая наложилась на усиление миграционных процессов и негативные демографические тренды. После февраля 2022 года спрос на товары и услуги сохранился, но ушла часть предложения, которая формировалась западными фирмами. Высвободившиеся ниши требовали закрытия, и это привело к сильному увеличению спроса на труд. В то же время работников не стало больше, их

стало меньше из-за эмиграции, естественной убыли и старения населения. В результате возник глубокий дефицит кадров: безработица в II квартале 2024 г. опустилась до исторического минимума в 3% от рабочей силы. Привлечение новых и сохранение текущих сотрудников вынуждала фирмы и правительство повышать заработные платы.

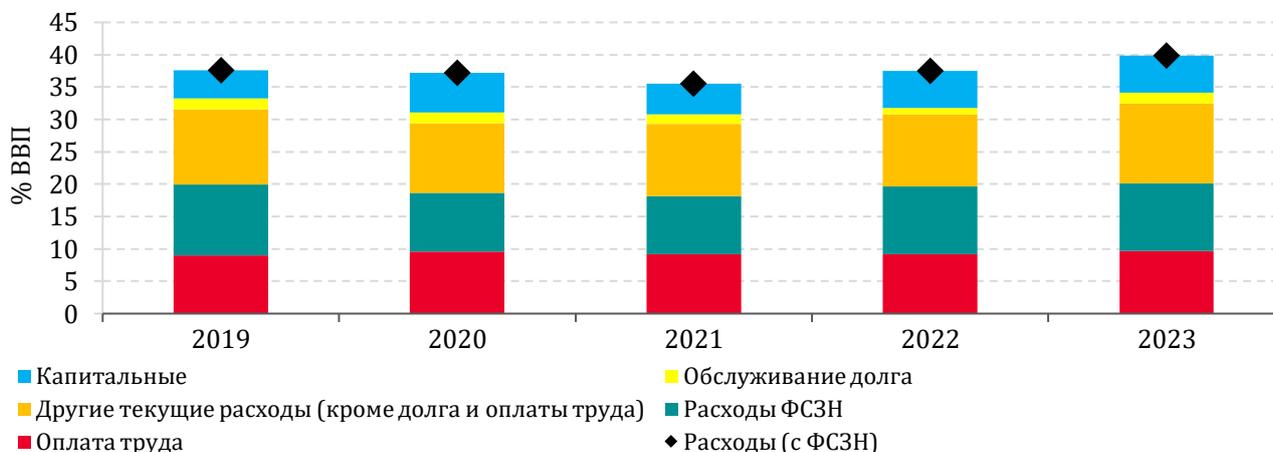
Дефицит работников – важный, но не единственный фактор быстрого роста заработных плат в 2023–2024 гг. На это указывает крайне высокий рост бюджетных расходов в этот период, заметно превосходивший сбалансированные темпы (**Рис. 3**). В 2023 году расходы консолидированного бюджета (с ФСЗН) выросли более чем на 10% в реальном выражении. При этом, как отмечено в разделе 2.3, социальные выплаты и расходы на оплату труда во многом обеспечили наращивание бюджетных трат в последние годы (**Рис. 10**). Кроме того, в 2022–2023 гг. вновь увеличились объемы директивного кредитования (см. раздел 2.4), что являлось дополнительным фактором поддержания «мягких» условий функционирования госпредприятий. Все это указывает на реакционную экономическую политику. Власти Беларуси вернулись к практике маскировки структурных проблем, связанных с низкой эффективностью экономической модели, в том числе посредством привычного стимулирования доходов населения в предвыборный период.

События 2020 года продемонстрировали опасность для действующей власти стремительного развития частного сектора экономики. Однако повышение административного давления на предпринимателей после 2020 года требует замещения его роли в повышении благосостояния граждан. В условиях усиления изоляции Беларуси и ухода западных институтов развития эти расходы в значительной степени переносятся на бюджет.

Новый социальный контракт не сформирован, а продавать «величие» наподобие российских властей для белорусских крайне затруднительно. В условиях сохранения остатков старого социального контракта применение знакомых и понятных методов административного стимулирования доходов и потребления населения выглядит соответствующим логике белорусских властей. Так, услуги качественной и бесплатной медицины, среднего образования, пенсионного обеспечения к началу 2024 года оставались одним из немногих факторов согласия между обществом и государством (Chatham House, 2024). На второе место в рейтинге ожиданий общества от государства в 2024 году вышел запрос на предоставление возможности зарабатывать (**Рис. 9**). Нельзя исключать, что для части населения стимулирование доходов со стороны государства

будет, по крайней мере, достаточным для временного обеспечения лояльности к действующей власти.

Рисунок 10: Динамика и структура расходов консолидированного бюджета сектора госуправления Беларуси

Источник: разработка авторов на основе данных Минфина Беларуси, Белстата, ЕФСР.

В первой половине 2024 года тенденция быстрого роста заработных плат сохранялась. С учетом коррекции на рост цен их уровень в II квартале 2024 г. уже более чем на 8% превышал сбалансированный, а по сравнению со средним значением довоенного 2021 года он поднялся уже более чем на 22%. По имеющимся публичным данным, рост бюджетных расходов в первой половине года мог прибавить около 8% г/г в реальном выражении. Нарастивание Нацбанком покупок гособлигаций на вторичном рынке (Br1,2 млрд в январе – июле 2024 г. (в том числе Br0,5 млрд в июле) после Br0,65 млрд за весь 2023 год) в среде высокого роста доходов бюджета указывает на намерение властей существенно расширить расходы в текущем году. В связи с этим базовым сценарием является сохранение стимулирующей бюджетной политики во второй половине 2024 года и, как минимум, в начале 2025 года. Бюджетные расходы и заработные платы, при отсутствии сильных шоков, будут оставаться на повышенных уровнях, что замедлит скорость возврата экономики к сбалансированному состоянию после перегрева.

5. Заключение

Экономический и электоральный циклы в Беларуси тесно взаимосвязаны. Эта корреляция временно ослабла в 2016 году – первой половине 2020 года, но восстановилась в президентскую кампанию 2021–2025 гг. Чрезмерно мягкая экономическая политика привела к перегреву экономики почти на 4% потенциального ВВП по состоянию на середину

2024 года. Экономика Беларуси к середине 2024 года вышла на пик бизнес-цикла, за которым неизбежно последует фаза спада. Глубина и скорость коррекции перегретой экономики к равновесию зависит от исходного масштаба перегретости (который является серьезным к середине 2024 года), развития ситуации во внешнем секторе и действий властей.

К концу первого полугодия 2024 года «хрупкость» экономики Беларуси для воздействия сильных шоков заметно повысилась. При сохранении избыточно мягкой экономической политики в 2025 году риски значительного коррекционного спада в среднесрочной перспективе, сопряженного с потерей благосостояния населения и угрозами для финансового состояния бизнеса, значительно возрастут. Для минимизации негативных последствий в случае их наступления в 2025–2026 гг. бизнесу и населению необходимо осознавать «хрупкость» успехов белорусской экономики, формировать резервы и разработать сценарии реагирования на «жесткую посадку» экономики.

При этом важно понимать, что, несмотря на возврат к старым контррэффективным практикам экономической политики, белорусские власти накопили достаточно серьезный массив компетенций в части реагирования на кризисные явления. Большое значение имеет сохранение гибкости курсообразования в настоящее время, в отличие от привязки курса белорусского рубля до 2015 года. Плавающий курс позволяет избежать ситуации чрезмерной переоцененности национальной валюты и предотвратить резкие и болезненные курсовые корректировки наподобие 2011 и 2015 гг. Кроме того, плавающий курс выполняет функцию поглотителя шоков, смягчая негативные последствия для реального сектора экономики и населения. Еще большую устойчивость экономике придало бы действительное обеспечение операционной и институциональной независимости Национального банка (Kharitonchik, 2024).

Литература

Данейко, П., Панасевич, В., Морозов, Р. 2023. Эволюция экономических ценностей в Беларуси. *BEROC Policy Paper Series*. PP no. 118.

Комков, В. 2020. Качество роста белорусской экономики. *Банкаўскі веснік*. № 3 (680). С. 22–25.

Крук, Д. 2020а. Стабилизация в монетарной сфере: ограничитель роста или необходимое условие? *Банкаўскі веснік*. № 3 (680). С. 42–46.

- Крук, Д. 2020b. Экономический рост в Беларуси: идентификация барьеров и выбор приоритетов. *Банкаўскі веснік*. № 3 (680). С. 15–21.
- Крук, Д. 2023. Что нужно для укрепления макроэкономической стабильности в Беларуси? *BEROC Working Paper Series*. WP no. 85.
- Мирончик, Н., Левихина, А. 2020. Как ускорить рост белорусской экономики? *Банкаўскі веснік. Тэматычны выпуск. «Исследования банка № 19»*.
- Рудый, К. В. 2021. Политические циклы деловой активности: междисциплинарный анализ электоральных и постэлекторальных лет. *Белорусский экономический журнал*. № 1. С. 59–69.
- BEROC. 2023. Развитие частного сектора. Вместо реформ и для экономического суверенитета Беларуси. *Исследование в рамках проекта Belarus Beehive*.
- BISS. 2009. Социальные контракты в современной Беларуси. Под ред. К. Гайдука, Е. Раковой, В. Силицкого. СПб.: Невский простор.
- Chatham House. 2024. Belarus: the changing social contract. *Chatham House Eighteenth Survey Wave*.
- Kharitonchik, A. 2023a. Optimal monetary policy framework in Belarus. *BEROC Working Paper Series*. WP no. 88.
- Kharitonchik, A. 2023b. Quarterly projection model for Belarus: methodological aspects and practical applications. *BEROC Working Paper Series*. WP no. 82.
- Kharitonchik, A. 2024. Optimal monetary policy framework in an emerging market economy under sanctions pressure and restrictions on capital flows. *Central European Economic Journal*. No 11(58). PP. 329–345.
- Kruk, D.E. 2018. Economic growth in Belarus: what lies beneath the stylized facts. *Journal of Belarusian State University. Economics*. No 1. PP. 132–144.
- Miksjuk, A., Pranovich, M., Ouliaris, S. 2015. The game of anchors: studying the causes of currency crises in Belarus. *IMF Working Paper*. No WP/15/281.
- Musil, K., Pranovich, M., Vlcek, J. 2018. Structural quarterly projection model for Belarus. *IMF Working Paper*. No WP/18/254.
- World Bank. 2018. Belarus systematic country diagnostic: towards a competitive, inclusive and dynamic Belarus. *World Bank Systematic Country Diagnostics*.